

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.

A RESETTLEMENT MOVEMENT IN SIBERIA IN THE SECOND HALF OF THE XIX TH — THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

**N. Sedelnikova
M. Duplyakin**

Summary. This article is devoted to the resettlement movement in Siberia in the second half of the XIX — early XX centuries. The article describes the process, factors of resettlement, its contribution to the development of culture, education, medicine, literature of Siberia. The main stages of resettlement, categories of citizens who participated in this process are highlighted. The statistics allows to trace the most significant regions that contributed to the economic development of the country as a whole.

Keywords: resettlement movement, settlers, serving people, exiles, peasants.

Седельникова Наталья Александровна

*К.и.н., доцент, филиал ФГБОУ ВО «Омский
государственный педагогический университет» в г. Таре
s-nata-17@mail.ru*

Дуплякин Максим Николаевич

*Филиал ФГБОУ ВО «Омский государственный
педагогический университет» в г. Таре
takcmaks4@gmail.ru*

Аннотация. Данная статья посвящена переселенческому движению в Сибири во второй половине XIX — начале XX вв. В статье описывается процесс, факторы переселения, его вклад в развитие культуры, образования, медицины, литературы Сибири. Выделяются основные этапы переселения, категории граждан, принимавшие участие в данном процессе. Приведена статистика позволяющая проследить наиболее значимые регионы, внесшие экономическое развитие страны в целом.

Ключевые слова: переселенческое движение, поселенцы, служилые люди, ссыльные, крестьяне.

Изучение Сибири имеет немаловажное научное и общественно-политическое значение. Переселенческое движение значительно определило характер общественной жизни, экономического освоения, заселения и развития культуры, образования, медицины, литературы Сибири.

Можно отметить довольно подробное изучение вопроса переселенческого движения в Сибирь на современном этапе, историография изобилует разнообразными исследованиями, касающимися данной тематики в целом и также затрагивающей отдельные части. Среди исследователей, уделявших внимание проблеме представлено большое количество советских историков, которые рассматривали аспекты проблемы, связанные с финансированием, транспортом, спецификой размещения, бытовыми и культурными условиями проживания вновь прибывшего населения на территорию Сибири.

Изучение процесса переселенческого движения в научной сфере происходит с периода СССР и продолжается на современном этапе. Среди историков СССР, рассматривающих проблематику вопроса, необходимо отметить Л.Ф. Склярова, изучавшего вопросы переселения и землеустройства в годы столыпинской аграрной реформы, Соловьевой Е.И. изучавшей вопросы переселенческой политики в годы аграрной реформы,

И.В. Островский, рассматривавший аграрную политику в Сибири периода империализма и др.

В постсоветский период и на современном этапе изучение вопросов, связанных с переселенческим движением в Сибирь середины XIX начала XX веков по-прежнему продолжает оставаться актуальным и многие вопросы пересматриваются с позиции современных подходов и методологии в отходе от классового. Среди современных историков, изучавших вопрос переселенческой политики возможно отметить В.И. Пронина, изучавшего влияние реформы Столыпина и государства в развитии переселенческого движения, М.В. Шиловского, занимавшегося изучением специфики и системы льгот для переселенцев, А.Ю. Карпинец, изучавший специфику развития кредитования переселенцев. Цель исследования выявить значение переселенческого движения в развитии Сибири.

Переселенческое движение XIX–XX вв. имело огромное значение для развития, как Сибири в целом, так и отдельных её регионов. До конца XIX века ее заселяли в основном беглые крестьяне, казаки и ссыльные. В первой половине XIX в. правительство несколько раз приступало к решению вопроса переселенческой политики, которая строилась не только на серии указов, положительно решавших вопрос, но и на распоряжениях, которые ставили вне закона самовольные переселения.

До крестьянской реформы заселение Сибири велось несколькими путями.

Первыми поселенцами края были те служилые люди, которые совершили его завоевание. Обыкновенно воеводы и другие военачальники, по поручению правительства, делали «прибор», то есть формировывали отряды из людей служилого сословия, частью из охотников — «вольных людей»; при отрядах обыкновенно находились также шедшие по указу или по своей воле духовенство, крестьяне и посадские люди.

После завершения похода и отстройке новых городков, бывшие во главе отрядов лица обыкновенно возвращались в столицу или в главный город, откуда вывели свою партию, за помощью или для предприятия новых походов, остальные же водворялись на вновь приобретенных землях и здесь основывали поселения. Кроме «прибора», правительство отправляло нередко казаков и стрельцов просто по «государеву указу».

Служилые люди обыкновенно получали от казны жалованье деньгами и хлебом; но жалования было недостаточно, и потому они обзаводились пашнями близ мест своего поселения или занимались торговлей.

Главное значение «служилых людей» в Сибири, заключалось не в заселении этого края, а в закреплении отдельных его пунктов за Россией в подчинении местных инородцев и открытии таким образом, новых мест для мирной колонизации страны земледельцами. Это была первая группа переселенцев,— так сказать, «белая», командующая.

Вторую группу поселенцев, «черную»,— особенно важную для колонизации края, составляли крестьяне-земледельцы, или пашенные люди. Пашенных людей правительство переводило в Сибирь также по вызову и указу. Вербовались они главным образом в поморских городах (из Вятской, Вологодской, Архангельской и Пермской губернии). Для некоторых местностей поставка определенного числа переселенцев была включена даже в обязательную повинность.

Желающим переселиться на «государеву пашню», давалась льгота в платеже податей до трех и более лет и оказывалась правительственная помощь на дорогу и обустройство на месте,— конечно, за счет самого местного населения, обязанного поставлять переселенцев. В каких размерах была оказываемая помощь переселенцам, можно увидеть из царского наказа о переселении в Сибирь из Сольвычегодска 30 хлебопашенных семей. В наказе было сказано — «Чтобы у каждого хозяина-новосела было по три мерина добрых, по три коровы, да по две козы, да по три свиньи, да по пяти

овец, да по два гуся, да по пятеру куров, да по двое утят, да на год хлеба, да соха со всем для пашни, да телега, да сани и всякая житейская рухлядь».[13, с. 75] Сольвычегодцы исполнили царский наказ и кроме того запросили еще на нужды отправляемых в Сибирь переселенцев по 110 р. на семью. Но эта сумма показалась правительству уже роскошью; оно выдало лишь по 25 руб. на семью, а остальные определило на нужды будущих переселенцев. [13, с. 78]

Но, очевидно, желающих отправиться в Сибирь находилось немного, так что правительству приходилось переводить туда крестьян «по указу» из сел принадлежащих царскому двору или за различные преступления из других мест. Таким переселенцам также оказывалась правительственная помощь.

Вопреки желанию правительства наряду с легальными переселенцами за Урал шли и «самовольцы». Причиной этому могло служить окончательное закрепощение крестьян в конце VII века. Побег из России на окраины настолько сильно развились в последнюю четверть XVII в., что общее уменьшение податного населения центральной России в это время вычисляется историками в 20%, то есть оно уменьшилось в 5 раз.

Насколько сильно было движение переселенцев из поморских городов в Сибирь можно судить по тому, что к 1708 г. в поморских городах число дворов уменьшилось на две трети против 71000, приписанных там в 1080 г.

Правительство, конечно, противилось этим побегам, держа руку своих «служилых людей» — помещиков, и делало строгие предписания о возвращении беглецов. В 1683 г. были устроены заставы, преграждающие пути самовольным беглецам.

Так же беглецам помогали отчасти и сибирские власти, которым вменено было почти в обязанность привлекать больше рабочей силы па богатую, но пустынную окраину; так же поиск беглых был затруднен ввиду обширности сибирской территории

В XVIII в. положение беглых изменяется. Бегство начинает считаться наказуемым преступлением, и беглые крестьяне начинают селиться в глухих местах без предварительного заявления о себе начальству края. Впоследствии многие из таких поселенцев, при обнаружении, получали прощение и оставались в местах поселения. Иногда власти были вынуждены регистрировать целые деревни самовольных переселенцев

Значительную часть населения Сибири составляли ссыльные. Ссылка, как наказание, впервые появляется

в российском законодательстве с изданием уложения царя Алексея Михайловича с 1648–1649 гг. Но ссылка в это время пока еще не носила характера самостоятельного наказания, а лишь сопровождала другие. В 1669 г. за целый ряд преступлений тюремное заключение было заменено ссылкой в Сибирь.

При Петре I ссылка в Сибирь в виду практической необходимости — недостатка в местах заключения и в людях для заселения окраин, но отдельным указом, приобретает с течением времени значительное развитие. Петровский «Воинский Устав» вместо ссылки на житье вводит каторгу двоякого рода, а именно: ссылку на галеры и на работы. Направляя каторжных во все места, где требовались рабочие руки для больших казенных сооружений, правительство пользовалось трудом каторжных.

С 60-х годов XVIII века Сибирь становится по преимуществу местом стечения каторжных (Екатеринбургская каторга до 1800 г., а также и Нерчинская), а в конце XIX века вся каторга сосредоточивается в Нерчинском крае при серебряноплавильных заводах. Число ссыльных в Сибирь значительно увеличивается с заменой при императрице Елизавете смертной казни за общегражданские преступления ссылкой в Сибирь навечно.

Ссылка с этого времени становится постоянной и разделяется на два вида: на работу и на поселение, соответственно и ссыльные начинают делиться на два разряда: «ссыльнокаторжные» и «ссыльнопоселенцы». «Ссыльнокаторжные» подвергались суду торговой казни и ссылались на Нерчинские заводы и рудники, или на солеваренные и винокуренные заводы, а иногда на частные фабрики. «Ссыльнопоселенцы» делились на 4 разряда:

1. назначенных к заселению отдаленных и малообитаемых мест
2. распределявшихся по селениям старожилов,
3. поступавших на пополнение заводских рабочих,
4. неспособных к поселению по старости или болезням.

В 1797 г. Екатериной II был издан указ о направлении всех осужденных на смертную казнь в каторгу па Нерчинские заводы, а осужденных в вечную ссылку в Иркутск.

Состав ссыльных был чрезвычайно разнороден. Кроме уголовных преступников в Сибирь ссылались также в большом количестве раскольники, бунтовавшие стрельцы, казаки и пленные иностранцы. В 1739 г. предписано было \ ссылать в Сибирь заводских мастеровых и рабочих людей за пьянство и игру в кости и карты. Последнее распоряжение, очевидно, имело в виду преимущественно поддержку только что начинавшего тогда развиваться в Сибири горного дела (в это время кроме серебряноплавильных заводов в Нерчинском край, воз-

никли медноплавильные заводы на Алтае. Вообще потребность горных заводов в рабочей силе имела огромное значение в направлении ссыльных в Сибирь.

Затруднительно произвести подсчет населения, которому Сибирь обязана ссылке в XVIII столетии, не в виду крайней неаккуратности, в составлении документов по учету поступавших в Сибирь ссыльных, так и вследствие гибели большинства архивов, где хранились необходимые для этого данные. Также дело передвижения ссыльных было поставлено так плохо, что в пути партии пересылаемых часто значительно сокращались. Партии ссыльных подвергались грабёжам иногда среди самих конвойных, был острый недостаток выделяемых «кормовых» средств. Кроме того, по дороге между конвойными и ссыльными возникали часто ссоры, драки, иногда доходило до кровопролития.

С 20-х годов XIX века вопрос о колонизации Сибири становится в тесную связь с переселенческим вопросом. Судебная и административная ссылка начинает понемногу утрачивать свое колонизационное значение и сохраняет лишь характер карательной меры. Такой характер ссылка сохраняет и во вторую половину XIX века, когда её негативное влияние на развитие культурной жизни Сибири становится более заметным. Бедственное и беспомощное положение, в котором оказывались ссыльные поселенцы, постоянное их стремление бежать с места поселения, крайнее развитие бродяжничества и отсутствие вследствие этого безопасности для местного постоянного населения неоднократно вызывали предположения правительства о полной отмене, или ограничения, по крайней мере,— сибирской ссылки. Но только в 1899 г. было притуплено к окончательному разрешению этого, поистине большого для Сибири, вопроса и, наконец, в 1900 г., на рубеже первого столетия, вопрос этот был разрешен в столь давно желанном направлении[13, с. 93]

Переселенческий процесс активизируется с новой силой после крестьянской реформы 1861 г. Реформа создала целый комплекс факторов, способствовавших росту крестьянских переселений. Одной из главных причин такой перемены явились недостатки земельной реформы, сопровождавшей освобождение крестьян от крепостной зависимости.

В крепостное время земля и живущие на ней крестьяне считались собственностью помещиков или государства. Крестьянин каждой из этих групп, за право обрабатывать на себя кусок земли, обязан был или отбывать барщину или платить оброк,

Одним из факторов, толкавших крестьян на переселение, стало обезземеливание крестьянства. Этот про-

цесс происходил по нескольким причинам. Во-первых, в 1861–1880 гг. повинности и выкупные платежи были непосильным бременем для многих крестьян. Платежи бывших помещичьих крестьян в 1861–1870-х гг. по отношению к чистому доходу с их земли составляли 198,25%, то есть крестьяне не только отдавали весь свой доход, но и должны были еще приплачивать столько же из сторонних заработков. Государственные и удельные крестьяне в 37 губерниях Европейской России платили от суммы чистого дохода, даваемого землей, 92,75%. [7, с. 34]

Нередко крестьяне просто бросали свои наделы. Тяжесть выкупных платежей вызывала у крестьян опасение, что накопление недоимок может привести к восстановлению крепостного права. Поэтому крестьяне предпочитали путь «хоть с крестом, да на волю». Так, в Московской губернии в 1877–1878 гг. из 199~<360 приписных крестьянских семей 29~<945, или 15%, имели надел, но не обрабатывали его. В отдельных волостях процент крестьян, забросивших земледелие, был еще выше. Например, в Осеевской волости 42,9% всех приписных крестьян не занимались земледелием, а в Гребневской волости — 53,5%. В Трубчевском уезде из-за плохой почвы отказов крестьян от наделов было больше, чем желавших взять на себя лишние наделы отказников, поэтому брошенную землю очень часто приходилось наваливать на состоятельных крестьян даже силой. В Кашинском уезде (Тверская губерния) в 88,5% общин крестьяне забрасывали наделы вследствие их крайнего обременения платежами.

Так же, как и в черноземной полосе, малоземелье, повышение арендных и купчих цен на землю, непосильность податного бремени и понижение цен на хлеб и на рабочие руки, выпашка земель, непригодность к улучшению своих хозяйств, в следствии крайней бедности и некультурности — вот главные причины, ведущие к раскрестьяниванию и в конце-концов к переселению.

Так, например, группы восточных и юго-восточных губерний черноземной полосы — Симбирская, Самарская, Саратовская, Уфимская, Оренбургская и части Казанской и Нижегородской, где развито промышленное скотоводство, а в приволжских губерниях — рыболовство, работы на пристанях и бурлачество дали за семь лет с 1887–1894 г. до 21,5% и в 1898 г. до 16% общей массы сибирских переселенцев. [9, л. 2]

Впрочем, в Самарской губернии переселенческое движение весьма заметно усилилось с 1898 г.; так в этом году число переселенцев достигло здесь до 13.523 чел. душ обоюбого пола (в 1897 г. переселенцев вышло отсюда всего 1026 чел.).

Из южных степных губерний той же полосы (Бессарабской, Херсонской, Таврической, Области Войска Донского и Астраханской), где население сравнительно редко и где имеются богатая рыбная ловля на берегах Черного, Азовского и Каспийского морей и в устьях Днепра, Дона, Волги и Урала, дающие заработок десяткам тысяч местного и пришлого населения, и где развиты также горные промыслы, занимающие массу рабочих рук, — из этих губерний выселение в Сибирь происходит в сравнительно ограниченных размерах; с 1887–1894 г., переселенцев из этого района было всего только 20% общего числа сибирских переселенцев.

Но за последние годы XIX в. наблюдается развитие переселенческого движения и в этом районе.

Так из Херсонской губернии, по данным губернских присутствий, в 1894 г. переселилось — 92 семьи; в 1895 г. — 406 семей, в 1896 г. — 744 с., в 1897 г. — 392 с., а в 1899 г. уже 790 семей. [9, л. 3]

Незначительны были выселения и из 3-х губерний юго-западной части черноземной полосы (Киевской, Волынской и Подольской), где довольно значительно развита фабрично-заводская промышленность, именно всего от 2% до 4% за период времени с 1887–1898 г.

Между тем из нестепной части черноземной полосы северных и средних губерний, — стремление к переселению, в особенности за последнее 20-тилетие, сделалось чрезвычайно настойчивым.

Из губерний этой полосы по интенсивности переселения следует поставить на первое место Черниговскую и Полтавскую: в Черниговской — число переселенцев возросло после 1890 г. с 152 душ об. п. до 3965 — в 1891 г. и 36198 д. об. п. в 1896 г. Из Полтавской губернии, в которой до 1890 г. годовые цифры переселенцев не превысили 466 д., в 1892 г. выросло уже 8107 д., а в 1896 г. 38.436 д., всего же из этой губернии с 1894–1899 гг. выселилось свыше 100000 душ обоюбого пола. Равным образом и в Пензенской губернии цифры переселенцев возросли с 555 д. в 1890 г. до 2009 в 1891 г. и до 23.119 — в 1895. [12, с. 2]

Такое же прогрессивное развитие переселенческого движения наблюдалось и во многих других губерниях средней, северной черноземной полосы, за исключением, впрочем, губерний Курской и Тамбовской, где цифры переселенцев мало изменились после 1891 г., хотя, говоря вообще, переселения и из этих двух губерний, за период времени с 1894–1899 гг., были все же довольно интенсивны. [12, с. 3]

В губерниях нечерноземной полосы (т.е. центральных промышленных, северных и западных) число пересе-

ленцев остается неизменно менее значительным в сравнении с черноземными губерниями, составляя в 1896 г. 12%, в 1897 и 1898 гг. 27% всего сибирского переселения. Объясняется это обстоятельство, во-первых, близостью названного района к столицам и другим крупным торгово-промышленным центрам, куда и направляется излишняя часть населения па заработки, и, во-вторых, существовавшем в этой полосе еще неиспользованных естественных богатств (рыбных рек, больших лесов), дающих возможность иметь подсобные промыслы.

К тому же, вспомним, что население нечерноземной полосы, вследствие недоброкачественности почвы, издавна шло на оброк, добывая его разными ремесленными промыслами (каменными, печными, кровельными, малярными, плотничными, земляными, портняжными и т.п.); «власть земли» здесь значительно ослабела еще задолго до падения крепостного права. Отход крестьян на земледельческие работы из этой полосы настолько незначителен, что может считаться исключением.

Впрочем, и в нечерноземной полосе есть губернии, которые составляют исключение в рассматриваемом нами отношении. Так, например, Вятская и Пермская губернии в 1887–1894 гг. занимали 4-е и 6-е место по числу переселенцев, вышедших в Сибирь. В 1898 г. переселенцы из этих двух губерний составляли уже до 5% всей переселенческой массы, и почти 17% всего количества сибирских переселенцев из нечерноземной полосы. Причина выселений из этих губерний — постепенное понижение урожайности земли, которая потеряла значительную часть своей ценности от вековой некачественной обработки и недостаточная удобрения. Кроме того здесь довольно много безземельных и малоземельных крестьян, среди которых стремление к переселению за Урал поддерживалось личным знакомством с условиями сибирской жизни при переходах их в губернии Западной Сибири на заработки. В 1893 г. число безземельных дворов достигло 39.981 в Пермской губернии и 15.551 — в Вятской, что составляет 9% общего числа дворов в первой из названных губерний и 3% во второй. [9, л. 4–5]

Побуждала также к переселению в этих губерниях и затруднительность быстрого перехода от привычного посадочного хозяйства к более правильной системе хозяйства, и действие этой причины обострялось производившимися здесь работами по отводу наделов, при чем много земель было отправлено в казну.

В последние годы XIX в. значительно увеличилось число переселенцев из западных губерний (Вилепской, Гродненской, Ковенской, Могилевской, Витебской и Минской); число выходцев из этих губерний, составлявшее до 1895 г. менее 1% общего числа сибирских переселенцев, возросло к 1898 г. уже до 14,7%, составив,

таким образом, более половины всего числа выходцев из нечерноземной полосы. Такой значительный рост переселения из этого района за последние годы объясняется, по-видимому, естественным приростом населения в этих губерниях, создавших характерное и для других местностей „малоземелье». Из других местностей нечерноземной полосы переселенцев было до сих пор весьма немного. Из промышленных губерний (Московской, Калужской, Владимирской, Ярославской, Тверской и Смоленской) переселенцев было от 4% (в 1897 г.) до 2% (в 1898 г.) общей цифры сибирских переселенцев. Для северных, северо-западных и отчасти прибалтийских губерний число это опускалось до 1%. [11, с. 49–50]

Интенсивность переселения крестьян из губерний Европейской России с 1894–1899 гг., может быть выражена в следующих цифрах:

Из губерний нечерноземной полосы — северных и центрально-промышленных, из восточных и юго-восточных губерний — Уфимской и Оренбургской, из юго-западных и южных степных губерний черноземной полосы, а также из губерний Прибалтийского края, Польши и Северного Кавказа, за период времени с 1894–1899 гг., выходило переселенцев, в среднем не менее 5000 душ.

Из губерний — Смоленской, Виленской, Гродненской, Минской, Казанской и Симбирской — выходило переселенцев от 6-ти до 10-ти тысяч душ.

Из губерний — Витебской, Могилевской, Тульской, Рязанской, Саратовской, Вятской и Пермской — от 10-ти до 25-ти тысяч душ.

Из губерний Орловской, Воронежской, Харьковской, Пензенской, Тамбовской и Самарской — от 25-ти до 50-ти тысяч душ.

Из губерний Черниговской и Курской — от 50-ти до 100 тысяч душ.

И, наконец, из Полтавской губ. — свыше 100 тысяч душ. [13, с. 175–180]

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, переселенческое движение XIX–XX вв. имело огромное значение для развития, как Сибири в целом, так и отдельных её регионов. До конца XIX века ее заселяли в основном беглые крестьяне, казаки и ссыльные. В первой половине XIX в. правительство несколько раз приступало к решению вопроса переселенческой политики, которая строилась не только на серии указов, положительно решавших вопрос, но и на распоряжениях, которые ставили вне закона самовольные переселения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тихонов В. В. Переселение в России во второй половине XIX в. По материалам переписи 1897 г. и паспортной статистики. М.: Наука, 1978.
2. Итоги экономического исследования России по данным земской статистики. Т. 1: Крестьянская община. М.: Типография А. И. Мамонтова,
3. Качоровский К. Р. Русская община. Возможно ли, желательна ли ее сохранение и развитие? (Опыт цифрового и фактического исследования). СПб.: Типография т-ва «Народная польза», 1900.
4. Скляров Л. Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1962.
5. Анфимов А. М., Зырянов П. Н. Некоторые черты эволюции русской крестьянской общины в пореформенный период (1861–1914 гг.) // История СССР. 1980. № 4.
6. Чернуха В. Г. Крестьянский вопрос в правительственной политике России (60–70 годы XIX века). Л.: Наука, 1972.
7. Дружинин Н. М. Аграрная реформа 1866 г. и ее последствия // Славяне и Россия. М.: Наука, 1972.
8. Тернер Ф. Государство и землевладение. Ч. II: Крестьянское
9. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 13. Д. 1221.
10. Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881–1904 гг. М.: Наука, 1980.
11. Огановский Н. П. Закономерность аграрной эволюции. Т. III: Обновление земледельческой России и аграрная политика. Вып. I: Население.
12. Чуркин М. К. Переселение крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX — начале XX в.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2006.
13. Кирьяков В. В. Очерки по истории переселенческого движения в Сибири. Москва, 1903. — 380 С.

© Седельникова Наталья Александровна (s-nata-17@mail.ru), Дуплякин Максим Николаевич (maksmaks4@gmail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Г. Омск